

Крым, Воронеж, далее везде ...

До Воронежа я рос на юге. В Крыму. Про Воронеж знал немного. Ну, Воронежский народный хор. Ну, частушки Мордасовой, да еще черно-белые телевизоры «Рекорд». Вот, пожалуй, и все.

Родители мои жили в Севастополе, а я после школы поступил в Симферопольский институт им. М.В. Фрунзе (ныне университет им. В.И. Вернадского). Там на 1-ом курсе нам читали курс исторической геологии, из которого я, к своему великому удивлению, узнал, что на месте нынешних гор были моря, что в тех морях водились громадные ящеры, а по берегам дымились конусы вулканов. И было так тысячи, миллионы и даже миллиарды лет назад. Все это сильно впечатляло и волновало.

– А хотя бы следы этого где-нибудь сохранились? – как-то спросил я у лектора.

– Поезжай в экспедицию с геологами. Их институт на той стороне Салгира. Называется ИМР. Попросись на Кара-Даг. Это около Феодосии.

* * *

– Что ты умеешь? – строго спросил меня сотрудник ИМР'а, крупный, лысеющий палеовулканолог В.И. Лебединский.

– А что надо?

– Рисовать умеешь?

– Не очень ...

– Фотографировать?

– Не очень ...

– Варить суп, кашу?

– Совсем не умею.

– Ну, ладно, – сжалился Лебединский, – вижу, парень ты здоровый, камни будешь таскать....

Потом был Кара-Даг с королевскими зубцами хребта Карагач, Золотые Ворота, Бухта-Барахты - названная так с легкой руки В.В. Маяковского, и трагическая для А.Е. Ферсмана - Сердоликовая бухта... Все было интересно, все было захлеб.

– Тебе надо учиться на геолога, – посоветовал кто-то после экспедиции.

И вот я держу письмо из Воронежа: «Деканат геологического факультета не возражает против Вашего перевода на 2-ой курс. При условии досдачи шести предметов в течение 1-го семестра ...»

** * **

Воронеж, красивый, ровный и очень длинный город. «Утюжок», сквер Кольцова, парк «Живых и Мертвых», высотка ЮВЖД, вокзал, строгое кирпичное здание старого Университета, Петр с якорем, Чарнавский мост, тонкая струйка реки Воронеж и задымленный промышленный левый берег...

** * **

Раннее утро 7-го ноября. Иду на демонстрацию. Сегодня впервые должен увидеть своих сокурсников и преподавателей. На улице перед Детским парком толпа бойких молодых девиц. Рядом узкий плоский транспорант, на котором красным по белому: «Универ...». Остальное закрыто флагами.

– А где геологический факультет?

– Иди к нам, – смеются девчонки, – здесь твой факультет.

– Это, правда, университет? – начинаю волноваться я.

– Да, да, университет, – веселятся девчата, – иди к нам. Ректором будешь..., смотри, у нас и номер подходящий. Флаги отодвинуты и я тоже смеюсь. На транспоранте написано: «Универмаг № 77».

— ● —

Савва Гаврилович Вишняков.

Кто-то мне шепотом: «Это классный бокситчик. Известен во всем мире. Голова. Профессор. Лекции читает на старших курсах...»

И вдруг декан факультета Л.И. Четвериков говорит: «Тебе надо пересдать общую геологию. Я договорился с С.В. Вишняковым. Он примет экзамен. Подойди к нему, условься о времени».

* * *

– Завтра приходи на лекцию к старшекурсникам, – сказал мне Савва Гаврилович, – пока я буду читать, успеешь подготовиться.

– А что при себе иметь?

– Матрикулу и голову.

* * *

– Так, так... Хорошо, голубчик. А теперь расскажи мне, что ты знаешь о базисе эрозии.

– Ну это просто, – стал рисовать я схему. Внизу - уровень зеркала моря, а выше – профиль горы.

– Так... так... Хорошо, голубчик. А скажи-ка мне, голубчик, где базис эрозии реки Воронеж?

Это был удар ниже живота. За 10 лет в школе и несколько месяцев пребывания в Воронеже я не сильно продвинулся в географии. Что делать?

– Я не местный, – чеканю с обидой в голосе.

– Как ты сказал? «Не местный...» – громко смеется Савва Гаврилович, – и откуда же ты такой «не местный»?!

– Из Крыма.

– А там море есть?

– Есть.

– Какое?

– Черное.

– А еще какое?

– Азовское...

– Ну вот, хоть это знаешь. А куда течет река Воронеж?

– Не знаю. Я же сказал Вам, что я недавно сюда приехал.

– В Дон, голубчик, она впадает... в Дон... А Дон куда?

- Кажется, в Азовское море, – напрягаюсь я.
- Так, где же базис эрозии?
- В Азовском море, – отвечаю без энтузиазма.
- Ладно, давай матрикулу...

* * *

Пройдет довольно много времени и только, когда Тюменская сверхглубокая скважина на глубине около 5 000 м вскрыет на погребенных траппах мощную латеритную кору выветривания, я вспомню о классном бокситчике Савве Гавриловиче Вишнякове и с пристрастием прочту его статьи.

— ● —

Вера Николаевна Преображенская.

Умное красивое лицо. Седые пряди волос. Само доброжелание. Достоинство. Стать. И, если Савву Гавриловича, за глаза, называли отцом геолфака, то Вера Николаевна – наша мама.

Помню, у нее в доме всегда кто-то обитал из студентов. Граптолиты, остракоды и прочие вентрикулиты. Палеонтология – главная страсть Веры Николаевны.

* * *

Идет защита диссертации. Тема: «Строение и состав гранитного массива».

- У кого еще есть вопросы?
- Скажите, пожалуйста, – встает Вера Николаевна, – а каких-либо окаменелостей Вы там не заметили?
- Позвольте, Вера Николаевна, я же изучал магматические породы.
- Ну и что... Всякое может быть...

* * *

В Симферопольском институте я учился химии и биологии. Там же читали небольшой курс латыни. Поэтому в Воронеже учебник Давиташвили по палеонтологии был для меня чем-то вроде семечек. Мне сразу поставили пятерку и разрешили не посещать занятия по палеонтологии.

– Я хочу с Вами поговорить, – обратилась ко мне Вера Николаевна. – Мне сказали, у Вас есть способности к биологии.

– Да нет, просто нас хорошо учили...

– А что, если Вы займетесь палеонтологией... Это очень интересная и крайне полезная наука. Вот, например, остракоды – они так разнообразны и как много еще непознанного...

– Нет, нет, – запротестовал я, – мой интерес только магматические породы! Вот я недавно был в экспедиции на Кара-Даге. Так там сохранились жерла древних вулканов, каменные заборы из даек..., жилы яшм...

– Ну хорошо. Я поняла...

– Да, – вспомнил я, там в Крыму остался учиться мой товарищ. Он знает биологию в сто раз лучше меня. Мы с ним ходили в походы по Крыму и он ловчее всех выискивал и определял окаменелости.

– Напиши ему. Если он так увлечен, я приглашу его в наш Университет.

* * *

Так тогда в Воронеже появился Толик Гусев. Сначала он сам закончил наш геолфак, а затем и его младший брат. Нынче Анатолий Иванович Гусев работает ведущим геологом на Алтае. Он автор ряда монографий, подготовил к защите докторскую диссертацию.

— ● —

Иван Петрович Лебедев.

Это мой друг. Мы познакомились в библиотеке. Иван Петрович тогда учился на вновь созданном в ВГУ геофизическом отделении. Математика и физика довались ему легко, но душа тянулась к геологии. Он с жаром рассказывал о первой полевой практике в районе Семилук.

Показывал найденные там «чертовы пальцы» и особенно напирал на какую-то необыкновенную складку на берегу Дона у села Петино.

– Знаешь, – говорил Иван, – сам профессор С.С. Кузнецов из Ленинграда приезжал на Дон и просидел у этой складки несколько часов. Это очень редкая складка.

В одно из воскресений мы отправились в село Петино. Сначала на поезде доехали до Семилук, а уж затем, и не помню как, но очутились на берегу Дона. Была осень. Воды в реке было мало. В крутом невысоком уступе Иван легко нашел слабо наклоненные в разные стороны слои и горным компасом замерил углы их падения. В одну и другую стороны получилось по 7°.

Пока Иван Петрович трудился, я захлебывался от разочарования.

– Это не складка, а карикатура Кукрыниксов на складку, – говорил я – Вы тут складок настоящих никогда не видели. Вот у нас в Крыму вся «таврика» перемята как из-под мясорубки... А тут всего 7°! Ты что, шутишь?

– Не знаю, но наши преподаватели эту складку очень ценят.

Вечерело. Мы перекусили, взобрались на уступ и увидели громадный красный шар Солнца, медленно сползающий с неба на ровную плоскость степи. Иван Петрович невольно ускорил шаг. Он высоко вверх поднял руки и громко запел: «Ах ты степь моя матушка...».

«Странные какие-то люди», – подумал я, – «что в этой степи хорошего? Что может быть лучше гор и моря...»

* * *

Позднее я по этому поводу не раз еще испытаю и гордость и стыд одновременно. Петинская складка действительно уникальна. Она живой свидетель образования пологих многосоткилометровых сводовых структур в осадочном чехле при воздымании нижележащих древних блоков фундамента.

И степь, конечно же, хороша...

— ● —

Олег Иванович Египко

Тогда он еще был аспирантом. Изучал граниты. Прекрасный петрограф, энтузиаст и скрупулезный исследователь. Virtuозно использовал логарифмическую линейку для петрохимических пересчетов. Много читал и все хотел успеть. Как-то в студенческой столовой я спросил Олега Ивановича: «А правда, что на всех континентах под осадочным чехлом граниты?» Он легко отодвинул тарелку и стал рассказывать о строении древнего фундамента, о гранитных ядрах и зеленокаменных поясах, о спрятанных под чехлом гигантских месторождениях золота, железа, никеля, платины, ... Получалось так, что самая важная часть геологии Воронежской области была спрятана на глубине.

– Вся, вся?

– Почти..., но кое-что сохранилось и на поверхности. Хочешь посмотреть?!

* * *

Итак, снова экспедиция. Нас трое: Олег Иванович, старшекурсник Виктор и я. Место действия – долина Дона. Генеральное направление: сначала село Басовка, затем – Буйловка. Ночуем в домах местных жителей. Обычно это старики. Они щедро угощают нас горячей картошкой в мундирах и парным молоком. Днем маршруты. Снова моим удивлениям нет конца... На левом берегу Дона, среди сплошных осадочных толщ, овальный выступ прочных кристаллических пород. Размер выступа – 5х3м.

– Что это?

– Это уникальное коренное обнажение древнего фундамента ВКМ. Сюда на это обнажение в 20-е годы специально приезжал знаменитый петрограф Лодочников из Петроградского института. Он целую монографию об этом обнажении написал.

– Вот смотри..., – Олег Иванович достает из портфеля книгу в толстой обложке и протягивает мне.

На первой странице фотография. Простое лицо в тонких круглых очках и в фуражке горного инженера. На следующей странице короткий текст. Читаю и ужасаюсь: «...меня сопровождали два студента... Один из них ... умер от голода...».

* * *

Олег Иванович приносит тонкий свежесрубленный ствол березы и через каждые 10 см делает на нем засечки. Это линейка. Ее он кладет на обнажение и мы, сверяясь с березовой «линейкой», рисуем выступ, а в нем – жилы и всякие другие неоднородности. Затем Олег Иванович из каждой разновидности пород отбирает пробы. Мы пишем на этикетках номера и названия пород. Все это прячем в мешочки или заворачиваем в бумагу. На следующий день большие пробы долбим в высокой цилиндрической чугунной ступке и отмываем легкую фракцию в эмалированных мисках с водой. Серый тяжелый шлик пропускаем через бромформ и электромагнит. И вот в руках заветный пакетик с концентратом циркона.

– Изучишь особенности строения и состава этого минерала, – наставляет Олег Иванович, – и тогда все узнаешь об условиях зарождения самых древних пород Земли.

* * *

И верно! Через двадцать с лишним лет я узнаю, что австралийский ученый Кэмстон по одному из кристаллов так называемого детритового циркона определит ионно-изотопным методом самый древний возраст на планете Земля – 4,1 миллиарда лет!!! И еще я, наконец, осознаю простую истину, что «золотник» не тем дорог, что мал... Крошечные обнажения древних пород на берегу Дона позволили сначала Лодочникову, а затем и Египко через каплю воды увидеть и понять проблемы мирового океана...

— ● —

Владимир Сергеевич Дмитриевский

Как-то я увлекся кино. Купил небольшую любительскую кинокамеру и решил снять фильм. Это был рассказ о первой полевой практике в Северо-

Байкальском нагорье, что километрах в двухстах от северного окончания озера Байкал. Героями фильма были один геолог, один конюх и три кобылы.

Вернувшись в Воронеж, на факультетской доске объявлений повесил самодельную афишу – такого-то числа состоится премьера фильма «Таежная повесть»; производство киностудии «Молоток».

В назначенный день вечером в одном из коридоров университета мы прикрепили к стене большой белый квадрат простыни, и когда свет, наконец, погас, включили одновременно кинопроектор и магнитофон. Фильм кончался рефреном «А помнишь...?, а помнишь...?», который сопровождал повторы основных фрагментов фильма. Не успел смолкнуть проектор, и еще не включили свет, как один из преподавателей – петрограф Владимир Сергеевич Дмитриевский, или в народе «Колобок», неожиданно встал и сказал: «Когда я работал на Алдане...». Владимир Сергеевич стал рассказывать, как много лет назад он бродил речки и ночевал на снежниках. Он говорил долго и ничего не сказал о фильме. Это сначала очень обидело меня, но потом, конечно, я понял, что наш фильм вернул седого учителя в его юность.

* * *

Много позже, когда я учился в аспирантуре в Москве, то как-то послал Владимиру Сергеевичу лекции очень популярного тогда столичного ученого. Я подумал, что это поможет моему учителю приобщиться к современным новомодным теориям. Но В.С. Дмитриевский вернул лекции. Он очень благодарил и написал, что теперь уже не сможет думать по-новому. «Я уж как-нибудь, - написал он, - поучу Вашего брата по-старому...»

Теперь-то и я хорошо знаю, что цена человека определяется его индивидуальностью, способностью к жесткой самооценке, умением чувствовать свои пределы... А тогда ответ учителя был расценен как малодушие, как отказ от совершенствования.

* * *

С Владимиром Сергеевичем и раньше не все клеилось как надо. Как-то на экзамене мне достался вопрос о превращениях горных пород. Я с жаром

стал повествовать о мифических мантийных растворах, якобы обеспечивающих эти превращения. Старый учитель все это внимательно выслушал и сказал: «Замечательно. Очаровательно. А теперь, коллега, напишите формулы минералов и химические реакции перехода между ними». Это был вероломный удар.

– Владимир Сергеевич, но ведь в моем билете был вопрос только о теории превращений?

– А я прошу тебя сообщить мне некоторые полезные сведения о практической деятельности этих минералов.

Я недоволен написал несколько требуемых реакций, конечно же, сделал массу ошибок. В.С. Дмитриевский спокойно сказал: «Хорошо знай известное, не пренебрегай фактами, больше наблюдай, и тогда, вместо того, чтобы следовать модным теориям, у тебя всегда будет шанс на собственное слово в науке».

Георгий Иванович Раскатов

– Георгий Иванович, я правильно построил этот разрез?

Георгий Иванович Раскатов, невысокий, худой, флегматичный, под кодовым названием «Плач Ярославны», после недолгого знакомства с разрезом промямлил: «Нормально. Но можно бы и получше». Через час тот же диалог:

– А теперь?

– И теперь нормально, но можно бы и лучше.

Все это повторяется еще через час, через два...

– Может, он того..., – поделился я своими сомнениями с дружкой, – может, он сам не знает как надо?

– А что там у тебя?

– Да разрез, совсем простой: толща известняков, пара разломов и гранитный массив.

– А что если так?

– Да, это, пожалуй, поинтереснее.

– Георгий Иванович, ну как теперь?

Учитель впервые внимательно смотрит мне в лицо: «Вот это хорошо. Вот это ты молодец. Сам додумался?»

– Нет, Сашка помог.

– Скажи своему Сашке, что он самый настоящий молодец. У него очень хорошая голова.

* * *

Позднее, когда я увлекся вулканами, то, конечно же, загорелся попасть на Камчатку.

Все с удовольствием слушали меня, искренне сочувствовали и разводили руками. Как-то в коридоре меня остановил Георгий Иванович: «Вот письмо моему учителю академику Меннеру. Он живет и работает в Москве. Поезжай к нему, он обязательно поможет тебе».

Через несколько дней я переступил порог одного из старейших российских институтов.

– Почему именно Камчатка? – прочитав письмо, спросил меня настоящий живой академик.

– Я хочу своими глазами увидеть, как из расплава рождаются породы и минералы.

– И ты бы хотел после окончания института остаться там работать?

– Не знаю. Не уверен.

– Хорошо, – академик быстро написал небольшую записку, – передай это Борису Ивановичу Пийпу. Он тот, кто тебе нужен. К счастью, сейчас он тоже в Москве.

Меннер нарисовал здесь же, на записке схемку, как пройти к соседнему институту. Когда я снова оказался на улице и стал ориентироваться по нарисованной для него схеме, мои глаза невольно остановились на тексте записки. Там крупным ровным почерком было написано: «Милый Борис Иванович. Я давно наблюдаю этого молодого человека. Он крайне увлечен вулканами. Надо обязательно ему помочь!»

Николай Алексеевич Плаксенко.

Сухой, седой, подвижный, строгий. Тогда он был в докторантуре. О Николае Алексеевиче ходили легенды. Лучший знаток железных кварцитов КМА.

Н.А. Плаксенко, В.В. Ляхович, О.Б. Лукина, Л.Н. Хетчиков... это они в 1941г. защитили дипломы и на следующий день ушли на войну. Это они, вернувшись с Победой, снова засели за микроскопы... Это они через несколько лет стали во главе ведущих направлений развития геологической мысли.

* * *

– Николай Алексеевич, мы второкурсники, решили в весенние каникулы съездить на КМА.

– И что Вы там забыли?

– Там же самая крупная магнитная аномалия.

– Что Вы от меня хотите?

– Ну это... как туда ехать... К кому там обратиться... И еще... нам бы еще фотоаппарат с блиц-вспышкой... чтобы можно было снимать в шахте...

– Ладно. Расскажу. Записку тоже кому надо напишу и аппарат дам... Только прежде прочтите хотя бы эту книжку...

* * *

Карьер Курской магнитки поразил масштабами. По овальным уступам движутся длинные зеленые поезда и многокилометровые транспортерные ленты. Там и сям снуют громадноколесные БЕЛАЗы, а на дне карьера, как муравьи, копошатся экскаваторы. Шум, гам и мощь нечеловеческая... Спускаемся по крутым деревянным лестницам вниз и сверяем реальный разрез с

книжным. Сначала почти 300 м белые пески и желтые глины. Затем тонкие пласты зеленых глин с остатками панцирных рыб. Это уже девон. И, наконец, крепкие звонкие железистые кварциты. Они серого, черного и красного цвета, полосчаты и мелко гофрированы. Это фрагменты древнего железного пояса Земли. Сегодня самые крупные железорудные месторождения известны и активно разрабатываются на всех континентах. А здесь на КМА вначале были Лейст, Ленин, Губкин, Дубянский, Плаксенко...

Митрофан Степанович Точилин

Основное место работы в те годы – геологический институт Кольского филиала АН СССР. По совместительству читал нам курс минералогии. Митрофан Степанович приезжал всегда неожиданно. Оглушал нас громом голоса и топил в фонтане эрудиции. Почти никого из нас не знал и не помнил в лицо. На экзаменах был щедр и великодушен. Помню такую байку. Студенты готовятся к экзаменам. Разучивают формулы минералов под гитару. Веселее всего поется довольно сложная формула эпидота, в составе которой много химических элементов с разными коэффициентами. Один из студентов только ее и запоминает. Идет экзамен. Студенту достаются довольно простые соединения – сульфиды.

– Что приуныл? – рокочет Митрофан Степанович, – о чем вопрос?

– Сульфиды...

– Рассказывай, какие они, эти сульфиды.

– Я забыл...

– Ну, ладно, хотя бы формулу пирита помнишь?

– Забыл...

– Ну, ты даешь! Это совсем простая формула. Я же тебя не формулу эпидота спрашиваю.

– Формула эпидота!? – оживляется студент, – пожалуйста. И он речитативно “ поет ” перечень элементов и коэффициентов.

– Тройка! – с восторгом кричит Митрофан Степанович, – твердая тройка!!! Надо же, выучил формулу эпидота!!!

* * *

Роль Митрофана Степановича Точилина в науке трудно переоценить. Он один из первых обосновал гипотезу о решающем влиянии вулканизма на формирование железистых кварцитов в докембрийских палеобассейнах. Много позже, после того как на дне современных океанов будут найдены и изучены «черные», «желтые» и «белые курильщики», зарубежные ученые дадут гипотезе Точилина новое толкование: SEDEX – седиментогенно-эксталяционный генезис. А в том самом заполярном геологическом институте и теперь продолжает трудиться верный ученик Митрофана Степановича – профессор Павел Михайлович Горяинов – известный исследователь строения и генезиса железистых кварцитов Кольского полуострова. А у П.М. Горяинова свой верный и тоже толковый ученик – Григорий Юрьевич Иванюк, который сегодня развивает идеи своих учителей с позиции новой парадигмы – самоорганизации (синергетики) минеральных систем и железорудных ансамблей.

И так будет всегда...

— ● —

Илья Яковлевич Фурман

Внешне его легко можно было спутать с И. Эренбургом. Берет, свободная шевелюра, борода, трость. Всегда неспешен и величав. Лекции читал по каустбиолитам. Главное увлечение – происхождение нефти.

– Только неорганическая! – горячился Илья Яковлевич, – вон Ваше Черное море с его серобактериями... Стояло, стоит и будет стоять это болото, а где нефть?! Нет, молодой человек, нефть рождается глубоко в Земле, там, где, как и на Солнце, углерод и водород присутствуют в виде свободных радикалов...

– А что потом?

– Потом эти радикалы проникают в твердую оболочку Земли – в кору и уже там, по мере движения вверх, превращаются в циклические и ароматические углеводороды, т.е. в нефть.

– А в учебниках написано по-другому...

– А Вы, молодой человек, меньше читайте и больше думайте.

* * *

Когда же это было? Всего-то сорок лет назад... Не так уж и давно... Тогда суждения Ильи Яковлевича конечно же возбуждали нас, но казались ересью... В книгах, черным по белому, авторитетно утверждался только осадочный генезис нефти. Даже великий Обручев писал: «Если найдете нефть в Сибири, прошу не считать меня геологом...» И что же? Сегодня нефть и газ ищут и находят в надрифтовых осадочных бассейнах (гигантская Уренгойская провинция в Западной Сибири) или на шельфе морей и океанов. Так что И.Я. Фурман оказался прав больше, чем книги... И все потому, что хотел и мог свободно думать...

— ● —

Владимир Павлович Семенов

Живой, лысоватый, насмешливый! Читал самый трудный курс – геология СССР. Легко рисовал на доске стратиграфические схемы на любую часть суши. Свиты, ярусы, подъярусы... Бесконечные таблицы корреляций... Названия руководящих окаменелостей и т.д. и т.п. И все это с улыбкой и без каких-либо записей... Этот шквал информации, эти цунами знаний ошеломили нас и подавляли. Сначала мы прекращали записывать, затем слушать и, наконец, что-либо понимать.

– Ну что, вопросы есть? – иронически улыбался Владимир Павлович.

– Нет! – хором отвечали мы.

Учебник по геологии СССР тоже был особый – толстый и тяжелый с обилием карт и схем. Словом, все боялись одного – экзамена. И вот день «Х» настал. Владимир Павлович пригласил весь курс в аудиторию. Дал каждому по вопросу и ушел ... мол «пойду подкреплюсь...».

Мы, конечно же выставили пост и каждый из нас первый раз в жизни открыл учебник... Дальше было дело техники. Прошел почти час. Мы совсем осмелели и даже начали болтать между собой...

– Ну что, готовы? – раздался голос Владимира Павловича.

– Да, готовы.

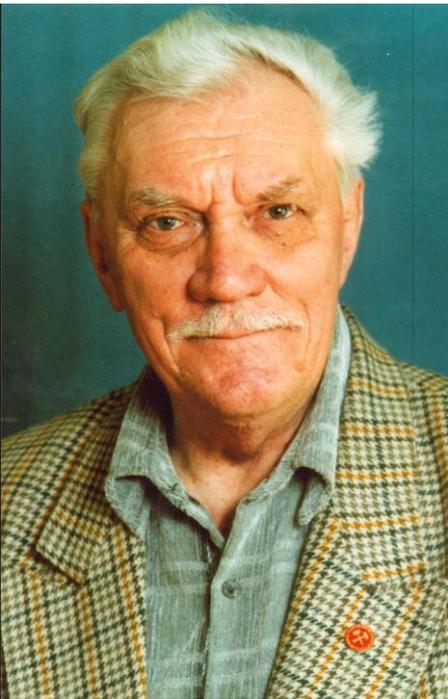
– Замечательно. Несите зачетки.

* * *

И как это, действительно, замечательно. Открыть дверь в неизвестное, показать чудо лабиринта и мастерское владение этим чудом. И при этом никому не выкручивать руки, не толкать в спину, не требовать невозможного...

— ● —

Лев Игоревич Четвериков

Высокий, стройный, с характерными манерами ленинградского интеллигента. Он читал технику и технологию разведки месторождений. Увлекался Стругацкими, философией и математикой. Меня не очень привлекали темы лекций Четверикова, и я частенько или пропускал их или был крайне невнимателен. Однажды в перерыве учитель попросил подойти к нему.

– Видишь ли, – тихо сказал Лев Игоревич, – я очень давно читаю этот курс и, по-видимому, делаю это теперь не так интересно, как раньше. Прошу тебя, понаблюдай за мной и, если заметишь что-нибудь не то, обязательно скажи мне.

– Дак я... Дак ведь...

– Ничего, ничего. Только обязательно скажи. Я могу на тебя положиться?

– Да.

После этой экзекуции никогда больше в аудитории не было слушателя более дисциплинированного и внимательного, чем я.

* * *

Когда я написал дипломную работу, в которой активно использовал методы математической статистики, моим рецензентом, естественно, был назначен Четвериков.

– Ты завтра свободен?

– Да, Лев Игоревич.

– Я хочу пригласить тебя к себе домой. Вот адрес. Приходи к одиннадцати часам.

На следующее утро я сидел в уютном кабинете учителя и слушал его замечания.

– А теперь перейдем в гостиную. Я приготовлю кофе. Мы сели за большой круглый стол, накрытый белой скатертью.

– Понимаешь, – сказал Лев Игоревич, – у моего учителя профессора Шафрановского в Ленинградском горном была традиция. В конце каждого учебного года он приглашал к себе домой наиболее способных выпускников

и за чаем делился с ними своими последними идеями и размышлениями. Я хочу продолжить эту традицию и, если ты не возражаешь, расскажу тебе о своем новом увлечении.

Я напрягся. Ситуация была пиковая и очень ответственная. Я давно уже заметил, что окружающие часто переоценивают или ошибочно принимают меня за кого-то другого. Это всегда было и сладко, и стыдно одновременно. И как только потом я не стремился походить на этот свой более симпатичный прототип, ничего не получалось.

– Ты, естественно, знаешь Марию и Пьера Кюри? – продолжал учитель.

– Конечно, знаю. Радиоактивность...

– Да, да, но не только радиоактивность, это были чрезвычайно разносторонне талантливые ученые; ты, кстати, читал об их жизни?

– Нет.

– Обязательно прочти. Так вот, Пьер Кюри выдвинул в свое время гипотезу об универсальности симметрии; если эту гипотезу очень упростить, то она звучит примерно так: почти все природные тела анизотропны, а, следовательно, они обладают симметрией, то есть особым состоянием физико-химического пространства, при этом «симметрия причин формирует симметрию следствий». Наша наука, как ты знаешь, ретроспективная, поэтому, если научиться понимать генезис симметрии, то есть уметь фиксировать, например, геометрию следствий, а затем подобрать соответствующий алгоритм, то можно математически вычислить причину, которая была миллионы лет назад...

Все более увлекаясь, учитель нарисовал несколько сложных фигур и пересекающих их плоскостей.

– Тебе интересно это явление?

– Да, – нетвердо ответил я, – но я никак не пойму, как эту симметрию использовать практически?

– Боже мой! – схватился обеими руками за голову учитель, – как я ошибся... как я ошибся в тебе.

«Ну вот, опять то же самое», – уныло подумал я про себя, а вслух быстро сказал: «Спасибо за отзыв, спасибо за кофе. Не расстраивайтесь. Я обязательно прочту книгу о Кюри».

* * *

Через много лет я неоднократно встречаю в солидных научных журналах статьи Л.И. Четверикова об этой самой симметрии и развиваемой им новой науке геокинематике. А совсем недавно Лев Игоревич блестяще защитил докторскую диссертацию. Это была его вторая попытка, а первую лет двадцать назад грубо пресекли те, кто когда-то требовали от этого Дон Кихота объяснений, к чему эта симметрия, «если из нее нельзя сшить шубу».

— ● —

Игорь Николаевич Быков

Мы говорим – Быков,
Подразумеваем – Алмазы.

Мы говорим – Алмазы,
Подразумеваем – Быков.

Раньше, конечно же, – с иронией; сейчас – с уважением.

Игорь Николаевич тогда (кстати, как и теперь!) был старше нас лет на пять-шесть. Спокоен, застенчив и потому, казалось, что он как бы немного стеснялся нас. Вел практические занятия по полезным ископаемым. От него я впервые услышал о минералах и месторождениях редких элементов.

Главной же интригой была тайная жизнь И.Н. Быкова. Он тогда единственный твердо верил, что Воронежская область – будущая алмазоносная провинция. Мы, естественно, посмеивались на этот счет и при любом

удобном случае ехидно спрашивали Игоря Николаевича: «Ну что, нашли алмазы?»

– Пока вот одно зерно известно, – отвечал он абсолютно серьезно.

Позже в ответах звучало более оптимистично: «...два зерна, ...три зерна...».

* * *

Теперь-то я знаю, откуда берутся Кулибины и Циолковские и что ими движет... Рождаются они в небольших русских городах и веруют свято в то, чем занимаются. И не мечутся они от одного пожара к другому, а каждый день спокойно идут на свое поле и возделывают его... И однажды труду их обязательно воздастся!!!

* * *

В 650-ти километрах к северу от Воронежа – в Нижегородской области – находится громадная кольцевая Пучеж-Катунская структура. Ее диаметр

более ста километров. В 1989–1992 гг. в центре этой астроблемы пробурили глубокую научную скважину, и стало ясно, что примерно 170 миллионов лет назад гигантский метеорит наделал здесь много шума: при подлете к Земле он взорвался, образовав лавовое озеро в осадочном чехле, и сильно сжал вниз по вертикали подстилающий блок древнего фундамента. Когда шок прошел, блок древних пород разжался да так, что вылез почти на два километра выше своего исходного положения. Лавовое озеро мгновенно затвердело. На его месте и теперь хорошо сохранились мощная стекловатая масса с обилием мелких зерен алмазов.

Так что искать алмазы в Воронежской области можно и должно...

Николай Павлович Хожаинов

Николая Павловича Хожаинова или «Дядюшку Хо», как его называли за глаза студенты, побаивались. Педант и зануда. На его экзаменах по осадочным породам почти все сыпались. Дядюшка Хо не любил студенческие байки и требовал самое простое, но и самое трудное – правильно назвать минерал, породу, слой, толщу, район... Студентам иногда даже казалось, что он презирает их за их вечное кое-как и «кажется».

* * *

А тут наступила знаменитая осень 64-го года. Снят Хрущев. Город без хлеба и без сахара. Продукты распределяют по спискам из домовых книг. В студенческой столовке гороховый суп, гороховая каша и слегка подкрашенный вареньем чай. Этот учебный год для нас начался с политэкономии социализма. Какой-то бравый преподаватель с одной из общественных кафедр легко нарисовал на доске формулу: «деньги – товар – производство – новый товар – новые деньги» и объявил, что это главная формула социалистического способа производства.

Я поднял руку.

– Вопросы потом, – строго сказал преподаватель.

– Потом будет поздно.

– Почему?

– Я перестану Вас слушать.

– Ну хорошо, что тебе непонятно?

– В прошлом семестре нам читали политэкономия капитализма и на доске писали ту же формулу. Чем же тогда социалистический способ отличается от капиталистического?

– Это элементарно, там новые деньги идут в один карман, а здесь – всему народу.

– Но ведь это не способ производства, а способ распределения. Нам об этом учительница говорила еще в первом классе.

– Как твоя фамилия?

– Кременецкий.

– Сейчас же выйди из аудитории.

Я с удовольствием закрыл за собой дверь. Еще бы, срезал новенького...

Дальше было хуже. Теоретический курс и практическая жизнь никак не стыковались. Почти на каждом занятии между преподавателем и студентами возникали дискуссии. Кончилось тем, что этот преподаватель выгнал за дверь подряд несколько человек. К выдворению был готов очередной неприемимый оппонент.

– Так может мне уйти? – спросил лектор в порыве педагогического рвения.

– До свидания! – хором ответили оставшиеся.

Преподаватель ушел, сильно хлопнув за собой дверь. Это было ЧП. Надо было что-то срочно делать.

– А что, если нам собрать комсомольское собрание, – сообразил кто-то, – пригласим этого чудака, пригласим заведующего кафедрой политэкономии, наших учителей и кого-нибудь из бюро комсомола.

– И что?

– Что-что? Зададим ему при всех наши вопросы. Пусть они нас рассудят.

Сказано-сделано. Через неделю в большой геологической аудитории чинно сидели все вышеназванные. Мне поручили вести собрание. Мои товарищи говорили о том, что волновало их, вступающих завтра в самостоятельную жизнь. Они говорили, что, как и Павка Корчагин, они готовы потуже затянуть пояс и перетерпеть горох и подкрашенный вареньем чай. Они не понимали, почему им лгут и требуют от них заучивать эту ложь. Они спрашивали, почему преподаватель политэкономии не уважает их достоинство. Почему он не спорит, а унижает изгнанием. Виновник собрания вяло парировал критику и что-то твердил о зачинщиках.

– Курс, в целом, хороший, – говорил он, – только вот эти (он называл фамилии) мешают остальным.

–Позвольте, позвольте, – взял слово опоздавший представитель бюро комсомола, – что за дела? Студенты судят преподавателя... Такого у нас еще никогда не было... Я требую прекратить. Кто здесь комсорг?

Я слегка растерялся, но неожиданно рядом со мной встал «Дядюшка Хо».

– Молодой человек, – обратился он к комсомольскому лидеру, – во-первых, Вы проявили в высшей степени бестактность, опоздав на собрание, а во-вторых, - не было, не было... да вдруг стало...

Николай Павлович говорил еще что-то, но уже было ясно – он поддерживал своих учеников. Он был вместе с нами.

Если зажмурить глаза, то кажется, что ничего в мире не меняется. Вот сейчас сяду в веселую толчею троллейбуса, доеду до Университетской площади. Затем мелким аллюром по узким, длинным корридорам и мрачным лестницам – в аудиторию № 215 или на кафедру...

– Здравствуйте...

– Здравствуйте...

– Сегодня я расскажу Вам...

– Тема лекции...

– Дежурный! Почему доска грязная?!

Если еще сильнее зажмурить глаза, то выступ правого берега, на котором разлеглась четырехэтажная буква «Ш» нашего университета и подмывающая этот берег – река Воронеж, медленно размазываются, растворяются и сливаются во что-то бело-голубое... «Боже мой», – наконец доходит до сознания, – так это же Крым..., Скифское море..., Херсонесская бухта..., Греческая коллонада... Красивые загорелые люди в легких белых одеждах ... Они группами неспешно прохаживаются вдоль бесконечной полосы берега. Учителя и Ученики... Они спорят и размышляют о Природе... О Бытие... Они равны и свободны...

Москва, 2004 г.